

Образ моря в «Моби Дике» Г. Мелвилла и «Повелителе мух» У. Голдинга

Дегтярёва Вера Владимировна

Аспирантка Красноярского государственного педагогического университета
имени В.П. Астафьева, Красноярск, Россия

Одно из наиболее значимых произведений английского писателя Уильяма Голдинга – роман «Повелитель мух» (1954) – не стоит особняком в мировой литературе. В частности, оно типологически близко к роману классика американской литературы Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851). Несмотря на ряд отличий (разные эпохи, стили, литературные направления и др.), легко обнаружить точки соприкосновения не только этико-философских концепций (оба романа представляют собой притчи), но и образных систем данных произведений. В обоих герои оказываются на долгое время изолированными в замкнутом пространстве: у Мелвилла на корабле, у Голдинга на острове, имеющем, однако, выраженное внешнее сходство с кораблем, традиционным воплощением человека и человечества. Наиболее ярко это сходство проявляется в раскрытии образа моря в каждом из них.

В романе «Моби Дик» морское пространство является одновременно и хронотопом произведения, и полноправным его героем, даже сама повествовательная манера Мелвилла напоминает поверхность океана. По Мелвиллу, власть моря / океана над человеком безгранична, а потоп – перманентное состояние нашей планеты. Образ моря в романе полисемантический, при этом раскрывается он не изолированно, а через четко выраженные дихотомии. Противопоставление огненной и водной стихии находит свою параллель в ненависти Ахава к Белому Кита, поскольку сам капитан является адептом огня, в то время как в Моби Дике реализуется мифологема воды / океана. Дихотомия океана и неба не менее ярко воплощена в романе. Если образ океана знаменует собой оплодотворяющее мужское начало, небо, наоборот, олицетворяет стихию женскую, гармонично соединяющуюся с мужской в одно целое.

В романе также постоянно присутствует и дихотомия суши / моря, сознательного / бессознательного, тела / души. Океан как олицетворение Божественного начала, единой Души природы и человека является одной из центральных метафор романа. Однако океан как воплощение мировой души нечасто пребывает в состоянии блаженного покоя, его волнующаяся поверхность порождает в уме Измаила сравнение с больной совестью, терзаемой раскаянием за сотворенные грехи. В то же время мировая душа удручена еще и алчностью, гордыней, жестокостью человека, поднявшего руку на своего Творца и одно из Его воплощений – «божественного Белого Кита». Потому гибель «Пекода» со всем его экипажем в финале произведения воспринимается абсолютно заслуженной карой за совершенное людьми зло. Орудием возмездия в романе становится не что иное, как могучий вечный океан и его олицетворение и одновременно орудие – Моби Дик.

Кроме того, в противоположность суше, олицетворяющей стереотипное, «рабское» восприятие действительности, море / океан символизирует у Мелвилла еще и независимое мышление, превращаясь в гносеологический символ. С позиции метафоры *океан – познание*, плавание «Пекода» – это путешествие за Высшей Истиной, персонификацией которой и является Моби Дик. И, подобно тщетной погоне за Белым Китом, человек находится в вечных поисках неуловимой истины, познать которую невозможно, даже раздобыв ее скелет.

Однако океан-познание в романе не является коварным деспотом, он позволяет героям перемещаться по своим просторам, но лишь до определенной черты. Он совершенно заслуженно карает или, напротив, утешает людей – в зависимости от их намерений и поступков. Но всегда перед ними стоит несокрушимая стена – белоснежный лоб Моби Дика. Океан постоянно посылает человеку знаки, предупреждающие его о неминуемой расплате за покушение на запредельное, и только сам он несет ответственность за свое пренебрежение ими. Таким образом, в мифообразе

океана / моря нашла свое воплощение не только художественная концепция, но и эколого-этическая позиция Г. Мелвилла.

Все действие романа Голдинга происходит на острове. Тем не менее, образ моря в произведении весьма глубок и многослоен, кроме того, его смысловая наполненность меняется по ходу сюжета, как меняется непосредственное восприятие моря юными персонажами романа. Море у Голдинга – живое существо, оно спит, просыпается, дышит, тяжело вздыхает, словно оплакивая смерть ребенка (Хрюши). Так же, как и Мелвилл, Голдинг называет его Левиафаном. Море разрастается в романе до глобальных масштабов, дети затеряны не в конкретной четко обозначенной части Мирового океана, а в беспредельном водном пространстве.

В первые дни пребывания на острове море вызывает у детей исключительно положительные эмоции (ощущение чуда, счастье, восторг), предстает перед ними как удивительный, богатый мир и воплощает собой идиллию, красоту природы, к которым вскоре прибавляются спасение и надежда (так, именно с моря, на корабле, а не, например, с воздуха дети ожидают прибытия взрослых). Однако по мере осознания мальчиками всей серьезности произошедшего, их полной изолированности, заброшенности в непривычную, пугающую среду, море начинает восприниматься ими как непреодолимая преграда, отделяющая их от мира / человечества. Постепенно море теряет в их глазах всякую привлекательность, превращаясь в опасную, враждебную человеку, чужую стихию («Зверь выходит из моря»). Сама густота его синевы внушает им страх своей насыщенностью, своим могуществом. Одолеть это чувство мальчики не в силах, так же как практически все они не готовы еще осознать, что так пугающая их опасность исходит не извне, а от них самих.

Однако читателю автор открывает иное. Море в «Повелителе мух» становится не только местом упокоения трех безвинно погибших героев (летчика, Хрюши, Саймона), подобно Мелвиллу, Голдинг делает море олицетворением истины. Именно оно выявляет подлинную красоту личности маленького философа-визионера Саймона, одевая светом его жесткие космы, заставляя его лицо серебриться, а плечи сверкать мрамором статуи. В отличие от страшной и отвратительной сцены убийства, описание упокоения мальчика в море, его слияния с природой, вселенной глубоко поэтично. Развитие образа моря в романе от персонификации безмятежной идиллической красоты и надежды через олицетворение необоримой преграды и смертельной опасности к воплощению прозрения и истины явилось одним из наиболее удачно и одновременно ненавязчиво использованных Голдингом средств, помогающих читателю в постижении нравственного урока его романа-притчи.

В обоих произведениях образы моря одушевлены и персонифицируют широкий спектр универсальных категорий: от надежды до нерушимой границы, от гармонии до ужаса, от смерти до истины. Олицетворением моря каждый раз становится чудовищный зверь, реальный или мнимый. И в том, и в другом случае данные образы служат раскрытию этико-философской позиции их авторов: декларативно и мощно у Мелвилла и ненавязчиво, на уровне подтекста у Голдинга